Митрополит Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей, дал интервью одесской телекомпании «Глас»

Аудиозапись телепередачи (15 Мб, mp3)

Видеозапись телепередачи (114 Мб, FLV)

В беседе с ведущим «Открытой Студии» телекомпании «Глас» Леонидом Сущенко речь шла о музыке и философии, о религии и духовности, о церковном каноническом единстве и других жизненных аспектах

Леонид Сущенко: Владыка, наша с Вами беседа проходит в дни, когда продолжается визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на одесскую землю. Несмотря на то, что журналисты, историки и богословы, вероятно, будут еще не один день анализировать этот визит, я хотел бы попросить Вас уже сегодня сделать какой-нибудь предварительный вывод, обозначив самый главный итог этого визита.

Митрополит Иларион: Я не стал бы сейчас обозначать главный итог визита, но, может быть,

обозначил бы главную тему. Тема визита следующая: это пастырский визит Святейшего Патриарха. Когда он ступил на украинскую землю, его спросили о цели визита. И Патриарх ответил: «Никакой цели», потому что это – его работа. Он – Патриарх, и Украина – это часть канонической территории великой Русской Православной Церкви. Патриарх является первым пастырем украинского народа, и поэтому он приезжает к своей пастве. Здесь нет какой-то особенной цели, Патриарх должен приезжать к своей пастве, и он будет сюда приезжать.

Если же говорить об основной теме, то из всего, что прозвучало здесь в выступлениях Святейшего Патриарха и тех, кто его приветствовал, обращался с благопожеланиями (в том числе и в тостах на различных трапезах), главная тема, лейтмотив – это преодоление раскола. Раскол является раной на теле Церкви. Задача заключается в том, чтобы преодолеть раскол, и чтобы те люди, которые ушли от единства Церкви, осознали пагубность пребывания в расколе и вернулись в лоно Церкви.

Л.С.: Владыка, весной этого года, при посещении Днепропетровска, во время пресс-конференции, отвечая на вопрос о расколе, Вы сказали, на мой взгляд, очень точную фразу, что «мода на раскол прошла». Означает ли это, что сейчас мы находимся во времени, когда нужно не разбрасывать, но «собирать камни»?

М.И.: Сейчас время, когда нужно «собирать камни», когда нужно консолидировать людей. Конечно, это надо было делать и раньше, но вы помните начало 90-х годов: развал великой страны, возникновение независимых государств – процесс сам по себе важный, но это процесс политический, который не должен был бы затрагивать церковную жизнь. Церковь живет по другим законам, у нее другие границы, которые никогда не определялись политическими новообразованиями. Если бы Поместные Православные Церкви нужно было делить в соответствии с количеством тех стран, которые входят в их каноническую территорию, то сейчас было бы не пятнадцать Поместных Православных Церквей, а сто пятьдесят и они были не мощные и консолидированные, а слабые и разрозненные. Достаточно сказать, что в Александрийский Патриархат входит около пятидесяти стран Африки, Иерусалимский Патриархат – это три государства, Антиохийский Патриархат – это два государства.

Русская Православная Церковь формировалась на протяжении более десяти веков. Она была рождена в крещальной купели святого равноапостольного князя Владимира не в Москве, а именно в Киеве. Киев – это колыбель нашей Церкви. Поэтому нельзя делить то, что созидалось на протяжении более десяти веков, тем более, делить по сугубо политическим, конъюнктурным соображениям. Раскол – это чисто политический проект. Это был проект тогдашней государственной власти Украины, направленный на то, чтобы придать бо́льшую легитимность

возникновению самостоятельного украинского государства. Придумали совершенно нелепый лозунг о том, что «в независимой стране должна быть независимая Церковь» и стали его раскручивать. И, к сожалению, государство потворствовало расколу, потому что, если бы не было этого попустительского отношения со стороны государства, то раскол никогда бы так не развился, как это произошло в 90-е годы. Этот политический проект соответствовал конъюнктуре того момента, но, к счастью, эта конъюнктура ушла в прошлое. Сегодня многие из людей, находящихся в расколе, в том числе и те, которые несут там священническое и архиерейское служение, понимают, что раскол – это путь в никуда, тупиковый путь. Многие из них даже понимают, что они не являются членами канонической Церкви, что их «таинства» недействительны. Сейчас внутри раскола зреет понимание того, что пора с этим заканчивать, нужно возвращаться в каноническую Церковь и заниматься не разрушением, а созиданием.

Л.С.: Ваше Высокопреосвященство, в последнее время в СМИ достаточно часто применяется такой термин, как «секуляризация». Secularis с латыни переводится как «мирской, светский». Силы, действующие в этом направлении, пытаются объявить, что религия не может и не должна влиять на жизнь общества. К чему это приводит, мы знаем по опыту сталинских времен воинствующего атеизма. Возможен ли диалог с людьми, добивающимися секуляризации?

М.И.: Такой диалог не только возможен, а необходим, за исключением тех случаев, когда эти люди сами отказываются от диалога и встают в агрессивную и воинствующую позицию. Я считаю, что представители Церкви должны вести диалог со всем окружающим миром. Если мы вспомним апостольские времена и апостольский подвиг, то этот подвиг как раз и заключался в том, что апостолы шли в чуждый им и чаще всего враждебный мир, проповедуя Христа совсем не там, где их ждали. Очень часто эта проповедь кончалась мученичеством.

Сегодня мы должны не просто пребывать в эйфории от того, что Церковь возрождается, храмы строятся, и множество людей идет туда. На архиерейской или патриаршей службе мы видим тысячи людей и может создаться впечатление, что христианизация наших стран закончилась, что наш народ уже просвещен светом Христовой веры. Но если это кажущееся большим число людей, которые посещают храмы, сравнить с общим количеством населения, если сравнить число номинальных православных с реальными прихожанами храмов, понимающими, во что они верят, – разница будет очень большая. Поэтому сейчас перед Церковью стоит огромная просветительская и миссионерская задача, о чем неустанно напоминает наш Патриарх. Необходим диалог с внешним миром, в том числе и с представителями секулярного мировоззрения, причем диалог не богословского характера, а мировоззренческий, посвященный вопросу о будущем человечества.

Это, если хотите, антропологический спор. Мы должны говорить не том, есть Бог или нет, хотя это и важный вопрос, но говорить о том, какое будущее у наших людей, на каких ценностях они будут строить свою жизнь, а это как раз напрямую зависит от вопроса о существовании Бога. Есть ли абсолютные духовно-нравственные ценности или их нет? Может ли человек сам для себя определять ту шкалу духовно-нравственных ценностей, по которой он будет жить, или надо ориентироваться на божественные заповеди? Все зависит от этого. Например, - как человек понимает семью, важность рождения детей, будет ли женщина совершать аборты или нет и, в конечном итоге, от этого зависит, будет у нас население возрастать или убывать. Возрастание населения – это признак духовного здоровья нации, а убывание населения – признак духовной болезни. Это очень простой закон. Если статистика показывает, что народонаселение сокращается, значит, у нас что-то не в порядке с нравственностью, значит, у нас изменились ценностные ориентиры, значит, надо что-то делать – об этом мы должны говорить с представителями секулярного мировоззрения.

Л.С.: В одном из Ваших интервью я обратил внимание на то, как Вы определили различие в мировоззрениях религиозном и секулярном, когда сопоставили понятие «грех» и сказали, что перевести слово «грех» на мирской язык словом «вина» невозможно, потому что это определение из области психологии. Я считаю, что православное миропонимание нельзя просто перевести на светский язык, поставить на светскую платформу.

М.И.: Да, но мы должны переводить нашу терминологию на язык, понятный и светским людям. Вот, например, понятие греха: действительно, его невозможно просто перевести на секулярный язык. В секулярном языке есть понятие преступление – нарушение закона, которое влечет за собой соответствующее наказание. Понятие вины, действительно, из области психологии, но человек может испытывать сознание вины, а может его не испытывать, совершив проступок. Понятие греха имеет смысл лишь в том случае, если речь идет о некой абсолютной шкале духовно-нравственных ценностей. Не той, которую человек определяет для себя сам, а той, которая определена божественными заповедями, религиозной духовно-нравственной парадигмой. В этом случае термин «грех» приобретает очень важное значение: человек тогда понимает, является ли совершаемое им грехом или нет, требуется покаяние или нет.

Л.С.: Несколько слов, если позволите, об образовании. Вы, владыка, побывали на всех континентах нашей планеты, посетили более 70 стран, являетесь выпускником МДАиС, Московской Консерватории, Оксфордского и университета Фрибурга (Швейцария),

говорите на многих иностранных языках… Так сложилась лично Ваша судьба, благодаря Вашему таланту, усердию и трудолюбию, или по этому пути может пойти каждый молодой человек?

М.И.: Я думаю, очень важно, чтобы каждый молодой человек заботился о собственном духовном и интеллектуальном развитии. К сожалению, очень многие люди сегодня живут как бы по инерции, на «автопилоте». Закончил школу, университет и на этом развитие человека прекращается: дальше он позволяет себе жить, как живется, и не воспринимает каждый день и каждый час жизни как некий урок. Мне кажется, что человек, который творчески подходит к окружающей его действительности, окончив университет или даже два-три университета или института, все равно продолжает учиться, потому что жизнь ежедневно преподносит человеку множество уроков в самых разнообразных формах. Если у человека есть жажда познаний, жажда все время узнавать что-то новое, то он будет постоянно развиваться и совершенствоваться, а если ее нет, то нужно позаботиться, чтобы эта жажда была.

Л.С.: Предполагаете ли Вы, что сегодня духовным учебным заведениям требуется перестройка?

М.И.: Такая перестройка уже происходит. Она действительно требуется, потому что многие наши учебные заведения продолжают жить по старым схемам, которые существовали еще в советское и даже в дореволюционное время. Сегодня процесс обучения в странах Запада основан, прежде всего, на стремлении воспитать в студенте способность самостоятельной работы. У нас процесс образования в основном сводится к тому, что студент слушает лекции, а потом на экзамене он должен максимально точно воспроизвести то, что он услышал. Это пассивный и нетворческий процесс. В Оксфордском университете, где я учился, вообще нет понятия предмет, а есть понятие модуль, на которых основывается так называемая Болонская система. Модуль – это некий предмет или сюжет, который изучается не только при помощи лекций, но в основном за счет того, что студент должен самостоятельно прочитать большое количество литературы и написать работу. Совокупность этого и составляет модуль, за который ставится оценка. Это приучает самостоятельно мыслить и организовывать свое время. В Оксфорде нет обязательного посещения лекций. За прогулы не наказывают, но студенты сами рвутся на лекции, потому что понимают, что иначе экзамен будет невозможно сдать.

Л.С.: Продолжая тему молодежи, хотел бы вспомнить Вашу пресс-конференцию в

Липецке в марте этого года. Отвечая на вопрос, возможно ли предсказать конец света, Вы ответили: «Я считаю, что очень невыгодно предсказывать конец света. Если ты предскажешь конец света, а этого не произойдет, тебя назовут обманщиком, а если предскажешь, что конец света не произойдет, а это случится, то всем все равно будет не до тебя». Спасибо Вам за такой ироничный ответ. А не нужно ли сегодня нашим священнослужителям проявлять больше остроумия?

М.И.: Чувство юмора у человека или есть, или нет. Священнослужитель никогда не должен превращаться в шута. Он не должен надевать на себя маску остроумия. Юмор – это естественная составляющая человеческой жизни, подобная приправе к блюдам. Некоторые блюда требуют того, чтобы их приправить перцем или солью, а другие не требуют. Поэтому, если священнослужителю в нужной ситуации вспоминается что-то остроумное, он может это сказать, и здесь не будет греха, поскольку это естественное проявление человеческого мышления. Но не нужно искусственно стараться пересыпать свою речь перцем или солью, если они там не требуются.

Л.С.: Некоторые литераторы говорят, что лучшие образцы одесского юмора построены не на том, что одесситы любят острить, а потому что это такая форма мышления.

М.И.: Одесский юмор – это совершенно уникальный феномен. Достаточно прочитать «12 стульев» Ильфа и Петрова – произведение, которое от начала до конца пропитано одесским юмором и даже миросозерцанием, чтобы понять это. Для одесситов юмор естественен. Это одно из проявлений их жизнелюбия и, если хотите, творческого подхода к жизни, а также того космополитизма (в хорошем смысле этого слова), который был всегда свойственен этому городу.

Л.С.: Вы – автор более 700 публикаций и книг на богословские и исторические темы. Вы написали житие и учение святого Григория Богослова... а может ли наша современная жизнь рождать святых?

М.И.: Может и она их рождает. Среди нас есть люди, которых Церковь когда-нибудь прославит в лике святых. Святой – это тот, кто всю свою жизнь ориентирует на исполнение божественных заповедей. Такие люди всегда были и всегда будут. Вопрос их признания Церковью, в каком-то

смысле, вторичен. Мы знаем, что в XX веке было великое множество новомучеников и исповедников российских – тех людей, которые в России, Украине, Белоруссии и других республиках бывшего Советского Союза пострадали за Христа. Имена и жития некоторых из них хорошо известны, но очень многие никогда не станут известны, потому что погибли в безвестности, протоколов их допросов или совсем не осталось или остались только ложные протоколы. Но Господь знает подвиг и святость каждого человека. И во времена гонений, и во времена, благополучные для Церкви, святые всегда были, есть и будут. Более того, появление таких богословов, как святые Григорий Богослов или Игнатий Брянчанинов, не ограничено каким-то веком: наш век требует появления таких людей. Я думаю, что они уже есть, и Церковь их когда-нибудь прославит.

Л.С.: Во времена жития наших святых, в том числе Игнатия Брянчанинова, понятие экуменизм рассматривалось в гуманитарном контексте, как стремлению христиан разных конфессий к объединению вокруг вечных ценностей. Сегодня этому придается статус ереси и вероотступничества. А как бы Вы охарактеризовали этот термин сегодня?

М.И.: Само понятие экуменизм родилось в XX веке. Этим термином долгое время обозначали стремление различных христианских конфессий к сближению друг с другом. Но есть разное понимание экуменизма. Протестантское понимание заключается в том, что все существующие конфессии – как бы ветви единого дерева, что Церковь сама по себе невидима, она представляет собой совокупность разных конфессий («теория ветвей»). Задача в этом случае видится в том, чтобы их всех постепенно объединить, и тогда невидимая Церковь станет видимой. Это – еретическое понимание, и православные никоим образом его не разделяют.

Мы считаем, что Церковь существует, имеет видимые границы и та единая, святая, соборная и апостольская Церковь, о которой мы говорим в «Символе веры», является православной Церковью, а мы – ее членами. В диалоге с иными христианскими конфессиями мы ставим перед собой, прежде всего, миссионерскую задачу. Мы свидетельствуем перед протестантами, англиканами и католиками о Предании древней неразделенной Церкви и говорим, что путь к объединению лежит через возращение к этому Преданию, другого пути нет. Все те новшества, которые возникли в ходе истории, все ереси, которые появляются во втором тысячелетии, должны быть преодолены. Наши инославные братья должны от них отказаться, чтобы состоялось их воссоединение с единой, неразделенной и пребывающей во веки канонической Церковью. В этом состоит смысл нашего диалога с инославными церквами.

Л.С.: Оратория «Страсти по Матфею», автором которой Вы являетесь, прозвучала во многих городах мира, в том числе и в филармонии нашего города. Скажите, пожалуйста, в чем главное отличие отношения православного художника, музыканта к теме Страстей Христовых от того, как понимают это на Западе?

М.И.: В православном понимании Страсти Христовы всегда связаны с Воскресением Христовым. Если прочитать богослужебные тексты Страстной седмицы, то увидим, что эти две темы там всегда переплетаются. Даже когда мы смотрим на распятие, в православной традиции Христос изображается всегда уже умершим: Его страдания остаются за кадром, мы видим Христа в Его божественной славе. Эта слава открывает нам Того, Кто умер и пострадал за наши грехи для того, чтобы воскреснуть и открыть путь к воскресению всему человеческому роду.

В западной традиции, особенно со времен эпохи Возрождения, теме страданий Христовых придавалось очень чувственное и антропоцентрическое значение. Христос изображался с открытыми глазами, страждущим, с каплями крови… Некая современная квинтэссенция такого понимания была выражена в фильме Мэла Гибсона «Страсти Христовы», где этот натуралистический момент был показан чрезмерно выпукло. Православная традиция уходит от такого натурализма. Она призывает верующих прежде всего не эмоционально и чувственно сопереживать страдающему Спасителю, а возноситься умом к тому божественному промыслу, который сначала привел к сотворению человека, а потом к тому, что Сам Бог воплотился и стал человеком, чтобы пострадать для искупления человечества от грехов и даровать всем нам вечную жизнь.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/56930/